

Е.Ю. ВАХРАМЕЕВ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ — ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ЮРИДИЧЕСКОГО МЕТАФЕНОМЕНА

***Аннотация.** В статье исследуются особенности института публичной власти в контексте российского конституционализма как метафеномена, то есть «пограничного» явления, охватывающего как важнейшие правовые, так и некоторые неправовые явления. Особенность признака публичности рассмотрена сквозь призму таких характеристик современного конституционализма, как динамичность и тенденция к расширению конституционализации, а также с учетом влияния глобализации и цифровизации политико-правовых отношений. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что при разработке конституционных поправок 2020 года законодателем данные особенности были учтены, а сами поправки направлены в том числе на эффективную деятельность публичной власти в постоянно меняющийся информационной среде.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, конституционализм, публичная власть, институт публичной власти, конституционализация, конституционное право, глобализация, правовая цифровизация.*

PUBLIC POWER IS AN INSTITUTE OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM AS A LEGAL METAPHENOMENON

***Abstract.** This article examines the features of the institution of public power in the context of Russian constitutionalism as a meta phenomenon, a «borderline» phenomenon covering both the most important legal and some not legal phenomena. The feature of the sign of publicity is considered through the prism of such characteristics of modern constitutionalism as its dynamism and the tendency to expand constitutionalizing, as well as considering the influence of globalization and digitalization of political and legal relations. As a result of the study, the author concluded that when developing the constitutional amendments of 2020, the legislator took these features into account, and the amendments themselves were aimed, among other things, at the effective activities of public power in a constantly changing information environment.*

***Keywords:** Constitution of the Russian Federation, constitutionalism, public power, institute of public power, constitutionalizing, constitutional law, globalization, legal digitalization.*

ВАХРАМЕЕВ Евгений Юрьевич — преподаватель сектора среднего профессионального образования кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», аспирант кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, г. Новосибирск

Закрепление института публичной власти в тексте действующей Конституции Российской Федерации характерно тем, что законодателем было решено использовать юридическую конструкцию, которая звучит как «единая система публичной власти». При обращении к Конституции Российской Федерации (далее — Конституция, Основной закон) мы можем видеть существенные черты основы данного понятия — самой публичной власти. Анализируя публичную власть в контексте актуальной редакции Конституции, нельзя не отметить тот факт, что многие исследования (в том числе весьма значимые работы авторитетных ученых) были представлены до 2020 года, то есть до внесения в текст Основного закона термина «публичная власть». Поэтому при исследовании публичной власти как конституционно-правового института представляется важным учесть и результаты исследования публичной власти отечественной конституционно-правовой наукой, и современную политико-правовую обстановку, в условиях которой вносились поправки и действует актуальная редакция Конституции.

Настоящая статья — это попытка показать всю многогранность института публичной власти в контексте российского конституционализма как метафеномена, метапонятия, то есть явления и понятия, которые выходят за изначально предполагаемые конституционно-правовые рамки. Понятие публичной власти, будучи конституционализированным в 2020 году, не стало просто формальной частью конституционного текста. Напротив, закрепленный конституционно, термин «публичная власть» оказался однозначно связан с иными элементами конституционализма. Российский конституционализм является понятием динамичным, то есть неоднородным по своему содержанию в зависимости от исторического периода и сопутствующих ему правового сознания и уровня развития юриспруденции. Одна из особенностей развития современного российского конституционализма заключается в том, что им охватываются явления не только исключительно правового характера, но и явления, которые изначально в качестве правовых не предполагались. Теперь публичная власть, став частью российского конституционализма, связана с указанными явлениями.

* * *

Институт публичной власти, как и любой другой институт конституционного права, существует не в вакууме, то есть не отстраненно, не отграничено от иных явлений отрасли конституционного права. Общим понятием, которое объединяет в себе и институт публичной власти, и иные конституционно-правовые институты, является *конституционализм*. В отечественной конституционной науке конституционализм является одним из самых популярных предметов исследований. Российскими учеными предложено большое количество определений данного явления, однако, на наш взгляд, одно из наиболее удачных замечаний по этому поводу было сделано судьей Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Н.С. Бондарем, который в одной из своих работ сравнил попытки дать определение конституционализма с тем, как Августин выражал свое отношение к описанию образа Бога: «Не могу дать ему определения, но я знаю, что такое безбожие» [1, с. 4–5].

Конституционализм, таким образом, действительно представляется явлением масштабным и объемным настолько, что было бы проще указать на те вещи, которые им не охватываются. Однако и эта задача не представляется такой простой, какой она может показаться на первый взгляд. Многие ученые отмечают, что конституционализм — это не только правовое, но и философское, культурное явление. По нашему мнению, с учетом его основополагающей связи с наличием конституции, это означает следующее: предмет регулирования Конституции как основного источника конституционализма могут являться не только те общественные отношения, которые изначально предполагались в качестве явно подлежащих правовому регулированию (например, закрепление и гарантирование прав и свобод человека и гражданина), но и отношения, так или иначе потенциально связанные с правом, но изначально им не регулируемые, имеющие иное самостоятельное, самобытное и отличное от правового значение, существующие в иных, не только правовых сферах общественных отношений.

Может показаться, что данная характеристика конституционализма (его всеобъемлемость) придает ему некоторую абстрактную черту. Действительно, мы можем четко перечислить те элементы, которые однозначно включаются в конституционализм (например, права и свободы, порядок осуществления государственного строительства, демократизм, законодательный процесс). И в то же время можем видеть некоторую «пограничность» конституционно-правового регулирования, когда в результате конституционно-законотворческой деятельности (которую в современной науке конституционного права иногда именуют «конституционным дизайном» или «проектным конституционализмом») Основным законом государства начинают регулироваться общественные отношения, которые могли и не восприниматься в качестве правовых. Именно распространение влияния Конституции (то есть процесс конституционализации) на новые общественные отношения делает это возможным.

Представляется, что наиболее верной отправной точкой для исследования современного конституционализма в данном подходе является обращение к нормам Конституции как к основе российского конституционализма. Например, одно из первых проявлений «пограничности» конституционализма мы видим в части 1 статьи 7 Конституции, где Российская Федерация представлена как социальное государство, политика которого направлена в том числе и на свободное развитие человека¹. Попытаемся понять, что

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-

с точки зрения закона может означать словосочетание «свободное развитие человека» и может ли закон досконально регламентировать данный процесс.

В Комментарий к Конституции Российской Федерации под редакцией Т.Я. Хабриевой сказано, что особенностью социального государства является его стремление к созданию максимально благоприятных условий жизни, реализации индивидуальных способностей, талантов, а также обеспечение высокого уровня социальной защищенности. Данные положения свидетельствуют о целях России как социального государства. Понятие «достойная жизнь» авторы Комментария связывают с наличием в государстве определенного минимального стандарта, при котором люди могли бы развиваться с учетом их потребностей в таких сферах, как культурная, творческая и научная, трудовая и иная экономическая [2, с. 34–35], подкрепляя свою позицию обращением к части 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека. Пр процитируем дословно ее русскоязычный вариант: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам»².

Мы видим, что Декларация использует более привычные, более близкие к юридической терминологии понятия. Перечислены понятия, применение которых привычно для российского права: жилище, медицинский уход, социальное обслуживание, здоровье, семья, безработица, старость, материнство, социальная защита и так далее. Однако это несколько не умаляет значение Конституции Российской Федерации и несколько не противоречит правильности высказанной в Комментарий позиции. А подтверждает лишь то, что конституционная категория «достойная жизнь» многогранна, и чтобы ее описать, раскрыть, дать ей толкование и уяснить ее смысл, необходимый не только для граждан, но и для правоприменителя, мы используем как специфическую юридическую терминологию, так и те слова и словосочетания, которые являются общеупотребительными в быденной, бытовой речи, и обращаемся к примерам из обычной жизни. Например, ни в Конституции Российской Федерации, ни во Всеобщей декларации прав человека термин «талант» не используется. Тем не менее, говоря о достойном уровне жизни, мы действительно подразумеваем, что он должен обеспечивать возможность раскрывать таланты каждого человека, а способ, которым они будут проявлены, найдены и раскрыты,

портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 19.10.2022).

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2022).

законом не описываются. Закон устанавливает самое главное — условия для данного процесса в широком смысле их понимания.

В Комментарий есть подтверждение и той позиции, согласно которой конституционализм — понятие, состоящее не только из правовых, но и, например, духовных элементов. Авторы указывают, что обеспечение достойной жизни зависит не только от социальных, экономических параметров, оно связано также и с духовной сферой социума. Поэтому главная задача социального государства — это обеспечение справедливых, равных возможностей личности для ее развития [2, с. 35–36].

Таким образом, смысл содержания рассматриваемых понятий сводится к тому, что государством не устанавливается конкретный вектор развития личности. Человеку дается свобода в сфере духовного роста и личностного развития. Развитие может происходить в разных направлениях: духовном, научном, физическом, техническом, творческом, общесоциальном и других. Задача государства в данном случае заключается именно в обеспечении возможности такого развития, а не в детальном регулировании каждого варианта свободного развития человека, поскольку первый вариант правового регулирования предполагает определенную возможность законодательного усмотрения в текущем законодательстве, а второй вариант попросту невозможен. Право не может и не должно регулировать каждое проявление свободного развития человека. Сам смысл свободы как юридического понятия заключается в отсутствии закрытого перечня проявления свободы и закрепления ее смысла как понятия. Государством устанавливается общий критерий свободного развития, а его юридическая конкретизация в случае необходимости может происходить в текущем законодательстве либо практике органов публичной власти. И в этом нам видится проявление метафеноменальности российского конституционализма.

В.В. Шаханов, исследуя метафеноменальность в праве, отмечает, что у любых явлений существуют границы, в том числе и у права, а также внутри самого права. Ученый относит право к идеальным объектам и указывает, что для разграничения таких объектов наиболее логичным было бы использование термина «граница смыслов». Однако в праве границы строгих очертаний не имеют, а отграничение теории права от философии права может колебаться в пределах, охваченных правовыми метафеноменами теоретического и философского уровней. В.В. Шаханов к теоретическим метафеноменам относит принципы права, функции права, правовые аксиомы и правовые модели, общеизвестные правовые теории, понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, общетеоретические правовые категории, правовые методы. Теоретические метафеномены задействуются в развитии познания явлений теоретического уровня. К правовым метафеноменам философского уровня он относит правовые парадигмы, стили юридического мышления и правовую картину мира. Данными явлениями отражается феномен познания. «Многоуровневость права позволяет

говорить о его метафеноменальности, которая позволяет отображать внутренние механизмы изучаемых процессов, выходить за рамки объектной, т.е. познаваемой, теории» [3, с. 59–60, 64–65]. Представляется, что с этих позиций мы и конституционализм можем обозначить как метафеномен.

Устанавливая базовые правила регулирования, конституционализм «углубляется» тем самым в те слои общественных отношений, которые правом досконально не регулируются, и достигает их границ. Конституция устанавливает свободу творчества в части 1 статьи 44. Однако в ней не указано, каким должно быть наше творчество, при этом возможность творить определена термином «свобода», — термином, который отражает многовариативность поведения, невозможность установления строго закрытого перечня действий. Границы, устанавливаемые Конституцией в свободе творчества, продиктованы необходимостью. Так, частью 2 статьи 29 запрещена пропаганда или агитация (в том числе в форме научных и творческих произведений), которая была бы направлена на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды³.

Указанная нами «пограничность» некоторых институтов конституционализма не означает, что литературное творчество должно быть урегулировано конституционным правом, должна быть определена тематика и способ написания рассказа или стихотворения. Образно выражаясь, конституционализм «берет под крыло» саму свободу творчества, — будучи изначально явлением неправовым, гарантирование свободы творчества обеспечивает свободное и полноценное, достойное развитие личности, что в свою очередь регулируется в том числе и конституционным правом. Через свободу творчества проявляется сама личность, ее видение мира, возможность высказываться и быть услышанным, и именно эти возможности отстаиваются конституционализмом.

Отметим, что вопрос определения границ конституционно-правового регулирования является частью более общей методологической научной проблемы, а именно вопроса о пределах абстрагирования научных понятий. Конституционализм — сложное и многоаспектное понятие. В философии науки отмечается, что сложные и постоянно преобразующиеся (буквально — «подвижные») системы не являются статичными объектами, а обладают своей историей развития [4, с. 462]. Так и российский конституционализм, — начинавшийся в качестве попыток реорганизовать государственное устройство в Российской империи и представляющий собой в это время поданные российским государям предложения об учреждении тех или иных органов власти, к сегодняшнему дню представляет собой не только состоявшийся концепт, но и смысл, устремленный в будущее и постоянно расширяющийся в силу новых вызовов для законодательного регулирования.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Таким образом, конституционализм — не абстрактное явление в буквальном смысле этого слова. Им охватываются конкретные конституционно-правовые явления, давно ставшие классической частью конституционного права и как отрасли права, и как научной дисциплины. Однако современный российский конституционализм характеризуется динамичностью, которая в совокупности с его всеобъемлемостью проявляется в потенциальной возможности регулирования тех общественных отношений, которые на данный момент в качестве правовых не рассматриваются. Тем же явлениям общественной жизни, которые ранее не были охвачены текстом Конституции, а в данный момент в него включены (то есть конституционализированы), придан определенный правовой смысл.

* * *

Обратимся теперь к институту публичной власти и конституционным поправкам 2020 года, в которых проявилась тенденция к расширению границ конституционализма. Представляется важным акцентировать внимание на том, что конституционное право предлагает такое понятие, как конституционализация, то есть распространение действия конституции на разные сферы жизнедеятельности. По замечанию профессора И.А. Кравца, конституционализация может происходить горизонтально, то есть распространяться на основании имеющихся норм конституции, и вертикально — с помощью внесения новых норм в конституцию [5, с. 138]. Конституционализация термина «публичная власть» изначально происходила по первому пути, описанному И.А. Кравцом: публичная власть исследовалась наукой конституционного права (уже тогда многие ученые-конституционалисты в ее состав включали как государственную власть, так и местное самоуправление) и, что немаловажно, данный термин применялся Конституционным Судом Российской Федерации в его судебной практике задолго до 2020 года. Однако в 2020 году конституционализация термина произошла с помощью второго способа, то есть с помощью включения понятия «публичная власть» в Основной закон.

Примечательным представляется то, что новое по своим политико-правовым качествам явление публичной власти вместе с уникальными по своей значимости категориями, имеющими не только правовое значение, присоединялось к уже существующей и состоявшейся системе конституционализма. Например, Конституция была дополнена статьей 67.1, в части 2 которой говорится о тысячелетней истории России, сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, признании Российской Федерацией исторически сложившегося государственного единства. Часть 3 указанной статьи закрепляет, что Россия чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды; умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Часть 4 закрепляет, что важнейшим приоритетом государственной политики России

являются дети; государством создаются условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим⁴.

Несомненно, что патриотическое и духовное воспитание всегда было важно для России, и все же введение в конституционный текст таких терминов, как «память предков», «вера в Бога», «тысячелетняя история» и другие, вызвали особый интерес в научных кругах. Закрепленные в статье 67.1 Конституции термины и подразумеваемые ими ценности фактически стали конституционными, то есть получили официальное конституционное значение вследствие процесса конституционализации, хотя изначально тот же термин «тысячелетняя история» не являлся таковым, — он имел значение историческое, но не правовое. Термин «память предков» теперь также обладает конституционно-правовым значением, однако изначально его смысл мог раскрываться в значении духовного развития человека, его культуры и менталитета. Мы не будем углубляться в исследование значений данных терминов, отметим то, что важно в контексте нашего исследования: термины, изначально имеющие неюридическое значение (и воспринимаемые в ином, неправовом ключе), обрели конституционно-правовой смысл путем их включения в текст Основного закона.

Думается, что законодателем изначально предполагалась одновременная конституционализация термина «публичная власть» и конституционализация указанных выше терминов. Именно поэтому Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ носит название «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵. Название целиком сосредоточено на публичной власти, а все те сферы, которые затрагиваются Законом — семья, патриотизм, культура, — по смыслу вносимых поправок связаны с публичной властью, поскольку на нее возлагаются полномочия по их признанию, гарантированию, охране и защите.

* * *

В чем заключается особенность положения публичной власти в современном российском конституционализме? Особенности нашего времени отражаются не только на физических лицах, но и на различных институтах, в том числе и властных. В последние годы учеными-юристами много усилий прикладывается для исследования права в условиях глобализации и цифровизации с учетом интеграционных процессов, изменений в воззрении на саму природу человека и его возможностей. Расширяется сфера

⁴ Там же.

⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 16 марта 2020 г. № 11. Ст. 1416.

конституционализации, — многие вопросы, которые ранее не были предметами конституционно-правовых исследований, ныне становятся таковыми (например, вопросы, связанные с биоэтикой или конституционной футурологией). Полагаем, что признак публичности неспроста был применен при конструировании термина «единая система публичной власти», и связываем его наличие с современной политико-правовой обстановкой, — как в России, так и в мире.

Одно из первых научно-политических упоминаний термина «публичная власть» можно найти у Ф. Энгельса. В своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он определял публичную власть как отличительный признак государства по сравнению с родовой организацией. Сущность публичной власти и ее виды описывались Ф. Энгельсом с точки зрения теории классовой борьбы (например, им выделялась аристократическая публичная власть и, также в качестве самостоятельного вида публичной власти, жандармерия) [6, с. 170–171]. Однако, исследуя институт публичной власти в настоящее время, мы не можем не учитывать разницу его интерпретаций.

Первое издание «Происхождения семьи, частной собственности и государства» увидело свет в 1884 году, — задолго до Октябрьской революции 1917 года, принятия первой российской Конституции в 1918 году и тем более — задолго до принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации и внесения в нее поправок в 2020 году. Сейчас в научных трудах, посвященных публичной власти, редко можно встретить ее интерпретацию сквозь призму теории классовой борьбы. Если попытаться выделить некоторые общие варианты понимания публичной власти в современном российском конституционном праве, то можно назвать несколько позиций: публичная власть — это понятие обобщающего характера, которым объединяется государственная и муниципальная (в некоторых исследованиях — также и общественная) власть; — это самостоятельный субъект правовых отношений, который создается обществом, но продолжает свое существование уже самостоятельно; — это признак государства; в некоторых научных работах термин «публичная власть» применяется в смысле «государственная власть».

Власть — явление общественного характера. Любая власть может существовать только в обществе. Высказываясь по данному вопросу, В.Е. Чиркин говорил, что слово «власть» может употребляться в разных значениях: власть каких-либо чувств, власть вожака в стае животных и так далее. Однако данные явления не тождественны тому, о чем мы говорим, употребляя слово «власть» в правовом или политическом смысле. В этом смысле власть присуща только сформированному человеческому коллективу, обществу, которое отличается постоянным характером [7, с. 4–5].

Однако общественная среда со временем меняется. Современное общество не похоже на общество конца XIX века, не похоже оно и на общество

начала XX века. Меняются условия, в которых публичная власть осуществляет свои полномочия. На наш взгляд, публичность может быть раскрыта как видоизменяющийся, дополняющийся со временем признак власти, имеющий в своей основе тесную связь с обществом и заботу о нем. Публичная власть существовала и до внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Но особенности взаимодействия с обществом могут меняться. Так, и современное общество, и современное публичное пространство характерны широким использованием цифровых технологий. Благодаря цифровизации происходит более сильная интеграция института публичной власти в разные общественные материи. Процессы цифровизации и информатизации не просто открывают возможность для членов общества передавать друг другу информацию через огромные расстояния, — цифровизация позволяет делать эту информацию публичной, то есть открытой, доступной для ознакомления как другим членам общества, так и публичной власти. Цифровизация способствует более открытому выражению мнения, свободе слова. И в то же время она предполагает быстрое публичное размещение информации и такую же быструю реакцию на нее, в том числе и со стороны публичной власти. В эпоху цифровизации власть может не просто расширять или сужать свое влияние территориально, но и углубляться в объект управления. Цифровая эпоха характерна не только тем, что общество с помощью информационных систем получает дополнительную возможность так или иначе реагировать на действия власти. Власть использует эти технологии точно также, — чтобы реагировать на действия общества. Вспомним, что и современный конституционализм характерен «углублением» в общественные отношения.

Между тем вследствие цифровизации сфера публичности обязывает власть особым образом реагировать не только на то, что происходит в обществе, но и на мировые процессы, так или иначе воздействующие (или те, которые потенциально могут оказывать воздействие) на состояние общества, о котором заботится публичная власть. Современный мир характерен тем, что публичные власти разных государств, почти в буквальном понимании находясь в непрекращающемся контакте (благодаря современным средствам связи и скорости этой связи), состоят в определенной конкуренции. Количество и качество информации, поступающей от публичной власти иных государств, может в буквальном смысле «зашкаливать». Адресатом же этой информации нередко является не только и не столько публичная власть определенных стран, сколько общество, в котором эта власть существует, а также население и граждане страны. Такое использование цифровых инструментов может и, к сожалению, во многих случаях осуществляется с негативным умыслом, — для разжигания розни в обществе, создания атмосферы недоверия официальной легитимной публичной власти и так далее.

* * *

В связи с цифровизацией вспоминается и иное явление — глобализация, а также связанный с ним вид конституционализма — глобальный конституционализм. Логично предположить, что о глобальном конституционализме начали говорить не только тогда, когда отрасль публичного международного права достигла своей зрелости, но и тогда, когда конституционализм многих стран начал переходить в новую стадию своего развития. Одним из факторов, благодаря которым глобализация стала возможна, является значительное усиление мобильности, — мобильности людей и организаций, государств и их объединений, мобильности информации — правовой, политической, экономической, культурной и иной. Усиление этой мобильности происходит в первую очередь вследствие ускорения информационного обмена, который в свою очередь зависит от цифровизации.

Современный мир — включая и правовой — характерен ускоряющимся режимом взаимодействия его субъектов, в том числе и правовых субъектов. Соответственно, у государств и их публично-правовых систем не просто расширилась возможность взаимодействуя друг с другом реагировать на действия друг друга, — эта возможность стала одновременно и большей обязанностью и ответственностью по скорому реагированию и эффективному быстрому разрешению публично-правовых проблем в постоянно меняющемся мире.

Публичная власть — это понятие, которое не замкнуто только на одном обществе — том, которое ее создало; сфера публичности в современном мире расширяется все сильнее, ориентируясь в первую очередь на нужды и потребности своего общества, публичная власть не может не учитывать мировую обстановку и действия публичных властей других стран.

Защита своего общества в условиях цифровизации и глобализации — одна из важнейших задач публичной власти современной России. Информационная защита общества, как нам представляется, может осуществляться следующими способами. Первый способ характерен строгими императивными предписаниями и заключается в ограничении доступа самих граждан к цифровым ресурсам, на которых размещена заведомо ложная информация, подрывающая доверие граждан к их власти или наносящая иной вред им, обществу или государству. Второй способ связан с воспитанием граждан. Представляется, что в том числе и с этой целью в Конституцию были введены поправки о семье, вере в Бога и патриотизме в совокупности с поправками, устанавливающими новые правила для властных институтов. И именно с этой целью единое, общее название данного пакета поправок связано с публичной властью. Будучи связанной с конституционализированными категориями патриотизма, истории, подвига защитников Отечества, публичная власть может обращаться к данным категориям в контексте правового воспитания граждан.

В настоящее время российская публичная власть сочетает оба метода защиты общества в контексте цифровизации и глобализации общественных отношений. С одной стороны, органами власти был ограничен свободный доступ к таким ресурсам Интернета, как Instagram и Facebook. Деятельность указанных социальных сетей была признана Тверским судом Москвы экстремистской, поскольку жителям ряда стран было разрешено размещение информации, которая содержала призывы к насилию в отношении граждан России⁶. Однако, с другой стороны, мы видим активную деятельность публичной власти в сфере воспитания: происходит информационно-разъяснительная работа, связанная с последними событиями как в мире, так и в России; проводятся мероприятия, оказывающие воспитательное, неимперативное воздействие на общество.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время российский конституционализм является развивающейся сферой, которой конституционализируются неправовые явления, требующие особого внимания со стороны публичной власти вследствие их важности. Конституционализм представляется явлением публичным, обращенным к обществу и защищающим интересы каждого из его участников; публичная власть исходя из признака публичности — субъект, основным назначением которого является забота об обществе в постоянно меняющемся мире. Власть связана с обществом, с ним связан и конституционализм. Предлагая новые идеалы обществу, конституционализм нуждается в субъекте, который претворил бы их в жизнь и защитил. Таким субъектом является публичная власть, понятие которой было конституционализировано поправками 2020 года.

* * *

В заключение хотелось бы сказать о следующем. В последнее время часто можно услышать такую фразу, как «отмена русской культуры». Под ней подразумеваются действия, предпринимаемые в определенных странах и направленные на ограничение русской культуры: отмена выступлений артистов, отмена театральных постановок, кадровые перестановки в учреждениях культуры западных государств, в результате которых с руководящих должностей уходят российские граждане. В то же время русская культура бойкотируется не только здесь и сейчас, — в наличии различного рода стремления распространить этот бойкот и на прошлое: пытаются забыть роль нашего государства в мировой истории, не замечать выдающихся деятелей русской культуры, которые оказали значительное влияние на культуру других стран. Даже подвиг советского народа хотят буквально «отменить», — не просто забыть, что советским народом был внесен решающий вклад в разгром фашистской Германии, но и сделать вид, что этого

⁶ Суд запретил в России Instagram и Facebook за экстремистскую деятельность // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». URL: <https://tass.ru/obschestvo/14135585> (дата обращения: 19.10.2022).

не было. Именно так и выглядят события Второй мировой войны во многих западных интерпретациях, например, в кинематографе⁷.

30 сентября 2022 года состоялось подписание договоров о принятии Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации. Перед подписанием соответствующих договоров Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с речью. Он указал на тысячелетнюю историю духовных связей воссоединяющихся с Россией республик и областей, которая передавалась из поколения в поколение, на то, что «нет ничего сильнее решимости миллионов людей, которые по своей культуре, вере, традициям, языку считают себя частью России, чьи предки на протяжении веков жили в едином государстве. Нет ничего сильнее решимости этих людей вернуться в свое подлинное, историческое Отечество».

Президент затронул вопросы, связанные с мировой политической обстановкой, о том, как в настоящее время наша страна воспринимается некоторыми государствами, отметив, что, несмотря на сложное положение России после распада Советского Союза, мы смогли выстоять и занять достойное место в международном сообществе; что Россия сумела возродиться и окрепнуть; Запад же продолжал и продолжает искать новые возможности для ударов по нам. «Коллективный запад» в качестве угрозы воспринимает именно нашу мысль, нашу философию. Наши культура и искусство опасны для них. Именно поэтому западные страны пытаются их запретить. Происходящее Президент назвал «политическим национализмом и расизмом»⁸.

К сожалению, такова современная политико-правовая обстановка в мире. Гражданин России, находясь в быстроменяющейся информационной среде, становится объектом воздействия публичной власти других государств. В этих условиях задачей единой системы публичной власти видится защита граждан Российской Федерации: защита, которая осуществлялась бы не только императивными, но и духовно-культурными методами, чему и способствуют принятые в 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации.

Список литературы

1. Бондарь Н.С. Конституционализм как всеобъемлющая универсальная категория: судебный, экономический, правоохранный, экологический // Спутник высшей школы. 2022. № 2(7).

⁷ Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmenu-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 19.10.2022).

⁸ Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: Стенограмма выступления // Комсомольская правда: сетевое издание. URL: <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/> (дата обращения: 19.10.2022).

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский; под ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина // М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2023.
3. Шаханов В.В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метафоретического уровней // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 1.
4. Дмитриева М.С., Алексеев С.А., Филатова А.Н. О пределе абстрагирования в метанауке // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Социология* // 2008. Т. 21(60). № 1.
5. Кравец И.А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 11(96).
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 30 т. Т. 21: май 1883 — декабрь 1889 // М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
7. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // *Журнал российского права*. 2009. № 7(151).